

МАРИНА
Колоскова

A man and a woman in formal attire. The woman is in the foreground, wearing a red blazer and holding a large bouquet of red tulips. The man is behind her, wearing a dark suit and a light blue shirt. The background is a blurred indoor setting with a window and some yellow flowers.

ИЗМЕНА

Хроника предателства

Галина Колоскова

Измена. Хроника предательства

«Автор»

2026

Колоскова Г.

Измена. Хроника предательства / Г. Колоскова — «Автор», 2026

— Сколько это длится?— Полгода. Ну, может, чуть больше. Я чувствую, как подкашиваются ноги. Прислоняюсь спиной к дверному косяку. Полгода. Полгода он приходил домой, целовал меня в щёку, ложился в нашу кровать и делал вид, что всё в порядке.— Ты любишь её?— спрашиваю с дрожью в голосе.— Маша— Он недовольно хмурится. Повторяю:— Ты любишь её?— Я люблю тебя. У нас семья, дочь, квартира, общий быт. Девятнадцать лет — это просто молодость. Красивое тело. Пройдёт и будем жить дальше.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Галина Колоскова

Измена. Хроника предательства

Глава 1

Открываю глаза и смотрю в потолок ровно три секунды.

Белый, ровный, без единой трещинки. Когда мы купили эту квартиру, Роман сказал: «Никаких натяжных потолков. Потолки надо красить, эти старые, с разводами». Я красила. Сама, три выходных подряд, с респиратором и в строительной рогоже поверх халата. Шея затекла, волосы пахли краской ещё неделю.

Потолок теперь идеальный.

Лежу под идеальным потолком, рядом с мужчиной, который спит ко мне спиной, и думаю: сегодня День всех влюблённых.

Он не поздравил меня вчера. Не поздравил позавчера. Не поздравил неделю назад, когда я купила ему подарок — запонки с гранатами, темно-красные, под цвет его любимого галстука. Они лежат в ящике комода, в бархатной коробочке, ждут.

Я сказала себе: мне всё равно.

Но обида осталась.

Роман дышит тяжело, с присвистом. Пятьдесят скоро, лишний вес, виски на ночь. Смотрю на его затылок — волосы уже не те, что десять лет назад, поредели на макушке. Но он по-прежнему красив. Женщины до сих пор строят ему глазки. Делаю вид, что не замечаю, как он флиртует в ответ.

Я вообще мало что говорю.

Осторожно, стараясь не шуметь, выбираюсь из кровати. Ноги находят тапки на ощупь — пушистые, с рожками оленя, Алёна подарила на прошлый Новый год. «Мам, ну, это приколы, ты не обидишься?» Я не обиделась. Я их ношу. Они тёплые.

В коридоре действительно холодно. Коммунальщики экономят, кондиционер не включаю. Я кутаюсь в халат — махровый, старенький, Роман говорит, пора выкинуть. А мне нравится. Он мягкий. Он мой.

На кухне включаю кофемашину. Она фырчит, пыхтит, выпускает пар. Глажу её по крышке — глупо, но это единственное существо в доме, которое радуется моему появлению по утрам. Кофемашина не устаёт от моей болтовни. Кофемашина не смотрит сквозь меня.

Достаю яйца. Масло. Хлеб для тостов. Белый, нарезной — Роман не признает другого. Руки делают всё сами — много лет одного и того же алгоритма. Сковорода на конфорку. Вода в кастрюльку. Уксус — столовая ложка, чтобы белок схватился быстрее.

Таймер на телефоне. Три с половиной минуты. Ни секундой больше.

— Мам, ты опять гремишь.

Алёна стоит в дверях кухни. Лицо заспанное, губы надуты, волосы торчат в разные стороны. Пижама с Микки-Маусом — у него оторвано ухо, и один глаз вышит криво. Я предлагала купить новую, сто раз. Она говорит: «Не надо, она счастливая».

— Я не гремлю, — отвечаю, делая воронку в воде. — Я готовлю завтрак.

— Папе.

— И тебе.

— Я не буду. Мы в кафе с ребятами встречаемся.

Смотрю на неё. Пятнадцать лет, а всё равно моя маленькая девочка. Только давно не смотрит на меня как раньше — с обожанием, с благодарностью, с верой, что мама знает все ответы. Теперь она смотрит с раздражением.

— С какими ребятами?

— Мам!..

Она закатывает глаза. Точь-в-точь Роман. Тот же жест, тот же наклон головы.

Я сдаюсь.

— Ладно. Деньги на карте...—Напрасно жду поцелуя в щёку.

— Спасибо.

Уходит. Дверь в её комнату хлопает, потом приоткрывается — она терпеть не может закрытую дверь, говорит, душно. Через щель пробивается музыка, тихая, басы на минимуме.

Она думает, я не слышу.

Я слышу всё.

Кофемашина плачет. Таймер пищит. Выключаю одно, другое, наливаю кофе в чашку цвета слоновой кости — свадебный подарок свекрови, сервиз на двенадцать персон. Всем остальным мы пользовались три раза. Выкладываю яйцо на тост на тарелку, ровно по центру, туда, где маленькая голубая розочка.

— Доброе утро.

Роман входит на кухню. Галстук завязан, волосы зачёсаны назад, пахнет парфюмом. Духи — Creed, лимитированная коллекция, сорок пять тысяч флакон. Он купил их месяц назад, я видела чек в бардачке.

— Кофе? — спрашиваю, вопросительно вскинув бровь.

— Сам налью.

Он берёт чашку. Пьёт стоя, смотрит в телефон. Большой палец скользит по экрану — вверх, вниз, замирает, снова вверх. Лоб морщится.

— У меня сегодня переговоры с инвесторами, — говорит, не отрывая взгляда от экрана.

— Весь день занят, вечером тоже. Не жди.

Я киваю и задаю вопрос?

— Ты успел снять заказ на отель?

В душе обида, но голос ровный, спокойный. Будто спрашиваю, вынес ли он мусор.

— А, да. Созвонился с менеджером, всё оформили. Вернули на карту, посмотри.

— Посмотрю.

Он допивает кофе, ставит чашку в мойку. Не в посудомойку.

Я молча переставлю.

— Я побежал. Алёна, пока!

— Пока! — кричит из комнаты дочь.

Дверь закрывается. Вздыхаю. И для кого я готовила?

Подхожу к окну.

Смотрю, как он садится в «Лексус». Поправляет зеркало заднего вида, смотрит в него — не вверх на меня, на свою причёску. Выезжает с парковки, вливается в поток. Исчезает за поворотом.

Раньше, перед тем, как уехать он поднимал голову. Раньше махал рукой.

Раньше...

Смотрю на руки. На кольцо. Обручальное, тонкое, белое золото. Он выбирал сам, я даже не знала, какое он купит. «Сюрприз». Тогда он любил делать сюрпризы.

Сейчас мне кажется, что внутри кольца пустота. Оно лёгкое. Почти невесомое.

Сжимаю пальцы в кулак.

В институт вхожу в 8:47.

Три минуты до начала смены. Горжусь собой. Бессмысленно, но горжусь. Хотя бы в этом я успеваю.

Лаборатория встречает меня букетом резких запахов — реактивы, озон, кипячёный кофе из допотопной кофеварки, которую никто не моет. Эти запахи въелись в стены, в шторы, в халаты. Здесь пахнет бесконечностью.

Бесконечные анализы. Бесконечные отчёты. Бесконечное ожидание того, что уже никогда не случится.

Вешаю пальто на крючок. Надеваю халат — синенький, выцветший на плечах. Натягиваю перчатки. Синяя резина облегает пальцы, как вторая кожа.

— Береговая, ты почему вчера заявку не подписала?

Валентина Игоревна нависает над моим столом. Айсберг над «Титаником». Я «Титаник».

— Подписала. В три часа.

— А я говорю — нет!

Открываю программу. Мышка скользит по столу — коврик старый, края загнулись. Файл, свойства, журнал версий. Дата, время, её электронная подпись.

— Вот.

Она смотрит на экран. Морщится. Я вижу, как дёргается уголок губ — ей неприятно признавать ошибку.

— Ладно. Но ты проверяй. Брак в работе — брак в голове.

Уходит.

Смотрю ей в спину. На ней новая кофточка — вишнёвая, шёлковая, с маленьким бантом у ворота. Вот у неё сегодня точно четырнадцатое февраля. Кто-то с утра поздравил.

Беру пробирки. Ставлю в штатив. Нумерую. Маркер скрипит по стеклу.

— Слышала про Петровского?

Света подкатывается на стуле. Ей сорок семь, у неё колёсики, она любит на них кататься, и она заводит делом. Света не умеет сидеть на месте. Света — живчик и сплетница по совместительству.

— Ушёл от жены, — продолжает она, понижая голос. — К аспирантке. Двадцать два года, представляешь? Говорят, она ему анализы обрабатывала, ну и...

Многозначительная пауза. Я смотрю на пробирки.

— Не слышала, — отвечаю, отказываясь представлять, что обрабатывала аспирантка кроме анализов.

— Ты вообще ничего не слышишь. Живёшь в своём вакууме! — Обижается болтушка, и катится дальше.

Вакуум...

Хорошее слово.

В вакууме нет звуков. Нет боли. Нет случайных звонков с неизвестных номеров.

Я смотрю на смартфон. Экран чёрный. Тишина. Поздравления от Романа нет.

В 14:05 он взрывается.

Вибрирует, дрожит, елзлит по столу. Номер скрыт.

Смотрю на экран. Секунду. Две. Интуиция орёт: «Не делай этого!»

— Береговая, бери трубку, — Света бросает через плечо. — А то я с ума сойду от этого жужжания!

Я беру.

Глава 2

— Мария Николаевна?

Голос женский, молодой. Чуть хриплый — то ли простуда, то ли курит. Без интонаций. Без эмоций. Будто зачитывает сводку погоды.

— Да.

— Ваш муж сейчас в «Турандот». С Ариной Власовой. Это дочь его секретарши. Они там каждый четверг, но сегодня особенно торжественно — у неё день рождения. Тюльпаны, шампанское, подарок в синей коробочке.

Пауза.

— Хотите верить, хотите нет.

У меня пересыхает во рту.

Хочу спросить: «Вы кто?». Хочу спросить: «Откуда вы знаете?». Хочу спросить: «Зачем вы мне это говорите?».

А спрашиваю:

— Тюльпаны... какие?

— Жёлтые.

Тишина.

Жёлтые... Мои любимые... Роман знает. Отказываюсь верить. Произношу идиотское:

— Это розыгрыш?

— Вы сами знаете, что нет.

Короткие гудки сброшенного вызова.

Смотрю на телефон. На пробирки. На свои руки в синих перчатках.

Под резиной выступает пот. Я чувствую, как пальцы становятся влажными, скользкими. Перчатки прилипают к коже.

Я сижу три минуты.

Никто не подходит. Света ушла курить. Валентина Игоревна закрылась в кабинете. Я одна.

Снимаю перчатки. Медленно. Палец за пальцем. Резина щёлкает, отпуская запястья.

Встаю.

Иду на ватных ногах.

Пол подо мной плывёт.

— Мне нужно уйти, — глухо говорю в приоткрытую дверь.

Валентина Игоревна поднимает глаза от монитора. Смотрит на меня. Странно. Не раздражённо. Как-то иначе.

— Вы переработку закрыли?

— Нет.

— За свой счёт. И заявление на имя заведующего.

Я киваю.

— И, Береговая...

Она замолкает. Смотрит на моё лицо. Я не знаю, что она там видит.

— Вид у вас... — машет рукой, — ладно, идите.

Я выхожу.

Лифт едет бесконечно долго. Смотрю на цифры — 4, 3, 2. Считаю удары пульса.

Сто десять. Сто пятнадцать. Сто двадцать.

Сердце колотится где-то в горле. Чувствую его биение под челюстью, в висках, в кончиках пальцев.

Двери открываются.

На улицах Москвы природа равнодушно льёт на головы прохожим ледяную кашу. Февраль. Небо серое, низкое, давит на плечи. Лица у людей серые. Лужи серые. Высотки на горизонте серые.

Я открываю приложение такси.

«Ждите, 18 минут».

Второе.

«Свободных машин нет».

Третье.

«15–17 минут».

Убираю смартфон.

Выхожу на проезжую часть.

Машины несутся мимо — плотно, зло, не желая замечать женщину в тонком пальто с лицом только что убитого человека. Поднимаю руку. Держу её, как флаг, как сигнал бедствия, как последнюю надежду.

Никто не тормозит.

Из-за поворота вылетает чёрный «Мерседес».

Замечаю его слишком поздно. Или он видит меня слишком поздно.

Волна воды, грязи, февральской мерзости накрывает меня с головы до ног.

Я застываю мумией, купаясь в отвратительной реальности ощущений.

Пальто. Оно было светло-серое, любимое. Теперь на нём тёмные разводы, вода стекает по подолу, капает на сапоги.

Волосы. Я мыла их утром, укладывала феном, потратила полчаса. Сейчас они висят сосульками — тяжёлые, холодные.

Лицо. Чувствую, как по щекам течёт... дождь или уже слёзы, не разобрать.

Сапоги. Замша. Две тысячи евро, подарок Романа на Новый год. Теперь в них хлопает.

Машина уезжает.

С ненавистью смотрю ей вслед.

Медленно, очень медленно, сжимаю кулак. Поднимаю его вверх. Трясущаяся рука, мокрый рукав, размазанная по лицу вода.

— Спасибо! — кричу вслед негодяю. — Огромное спасибо!

Голос срывается. Я не ору — я плачу. Прямо там, на обочине, под серым небом, с кулаком, угрожающим в пустоту.

Плачу от злости. От бессилия. От того, что сегодня, кажется, весь мир решил надо мной поиздеваться.

И тут... «Мерседес» сдаёт назад.

Вижу, как загораются задние фары. Машина медленно, осторожно пятится, втискиваясь в карман рядом со мной.

Окно опускается.

Мужчина за рулём смотрит на меня.

Лет сорок. Может, сорок два. Тёмные волосы, на висках седина. Лицо усталое, с тенями под глазами, с морщинками у губ. Но глаза светлые. Серые или голубые — в этом свете не разобрать.

— Я идиот, — говорит он. — Простите. Садитесь.

Смотрю на него ошарашенно. На салон — кожа, дерево, запах дорогого мужского парфюма. На свою мокрую юбку, с которой на асфальт стекает вода пополам с московской грязью.

— Вдруг вы маньяк? — выдумываю причину отказать.

Глупо. Смешно. Я стою в луже, похожая на утопленницу. Ко мне не приедет такси. Я только что узнала, что муж мне изменяет. И шучу про маньяков!

Он смотрит на меня. Долго. Цепко. Так, что хочется отвести взгляд — и невозможно.

— Маньяки, — говорит он, — обычно не извиняются.

Парирую посиневшими от холода губами:

— Может, вы маньяк с хорошими манерами.

Он лезет в бардачок. Достает красную книжечку, протягивает в окно.

— Поляков Кирилл Эдуардович, помощник прокурора. Маньяков ловлю. В рабочее время, между прочим.

Смотрю на удостоверение. Фотография, печать, подпись. Всё по-настоящему. Бурчу:

— А не сидите в кабинете с кофе?

Жёсткие губы растягиваются, являя на свет белоснежные тридцать два зуба.

— Сижу. Но сегодня, видите ли, четырнадцатое февраля. День, когда даже маньяки отдыхают, а прокуроры работают за двоих.

Я не улыбаюсь.

Он смотрит на меня. Перестает шутить. В его глазах что-то меняется — усталость остаётся, но насмешка уходит.

— Садитесь, — говорит он тихо. — Пожалуйста, не дайте умереть от приступа совести, осознав степень собственной мерзости.

Я сажусь.

Салон тёплый. Пахнет зимой, кожей, спокойствием. Протягиваю руку, возвращаю удостоверение. Наши пальцы на секунду соприкасаются.

— Куда? — спрашивает он.

Я называю адрес.

— «Турандот», — повторяет он. — Хороший ресторан.

— Вы знаете, где это?

Он кивает.

— Бывал и не раз.

Выезжает на дорогу.

— У вас свидание? — спрашивает спокойно, будто интересуется погодой.

— У мужа.

Пауза. Я слышу, как работают дворники — вжик-вжик, вжик-вжик. Как шуршат шины по мокрому асфальту.

— Салфетки в бардачке, — говорит он, наверное с прицелом на будущее.

Я достаю. Вытираю лицо. Бумага промокает мгновенно, превращается в серый комок.

Пальто не вытереть. Бесполезно. Воспитанность бежит впереди мозга:

— Спасибо... — тому, кто превратил меня в мокрую крицу.

Пожимает плечами.

— Не за что. — Наверное, впервые встречает такую идиотку.

А я продолжаю юморить от нервов:

— Вы всегда подбираете мокрых женщин на дороге?

— Только в День всех влюблённых. — Давит улыбку.

— Значит, вам сегодня везёт на мокрых женщин.

Тут не поспоришь. Согласно кивает.

— Значит, везёт.

Я смотрю в окно.

Москва — серая, мокрая, чужая. Я живу в столице двадцать лет. Вырастила здесь дочь, купила квартиру, построила карьеру — какую смогла. Я думала, этот город мой.

Сегодня он впервые кажется мне враждебным.

— Остановите здесь.

— Здесь нельзя.

Настаиваю:

— Остановите.

Он паркуется через несколько метров, в кармане за светофором. Напротив — стеклянные двери, швейцар в длинном пальто, огни.

«Турандот».

Глава 3

Я смотрю на стеклянные двери «Турандот» и не могу заставить себя выдохнуть.

Воздух застрял в горле — тёплый, колючий, ненужный. Я сижу в чужой машине, в мокром пальто, с мокрыми волосами. Смотрю, как швейцар в длинном пальто придерживает тяжёлую дверь перед моим мужем. И хочу умереть.

Роман выходит первым.

Свободная, расслабленная походка. Он не смотрит под ноги, не хмурится, руки в карманах. Хочу увидеть, сжаты ли в кулаки его пальцы. Он вообще редко суетится — слишком дорого одет для суетливых жестов. Но сейчас он другой, чем утром. Он легче. Моложе. Счастливее.

Я давно не видела его таким.

Смотрю, как Роман оборачивается и протягивает руку в стеклянную дверь.

Она выходит следом.

— Она? — тихо спрашивает Кирилл.

Я не отвечаю.

Девушка. Нет — девочка. Совсем юная, тонкая, в бежевом пальто, которое сидит на ней так, будто его шили по меркам голливудской звезды. Светлые волосы рассыпаны по плечам, на губах — прозрачный блеск, в глазах — уверенность женщины, знающей себе цену.

В её руках — тюльпаны.

Алые. Яркие, хищные, неприлично дорогие для февраля. Она держит их как трофей.

Роман кладёт руку ей на талию.

Не на плечо. Не на локоть. На талию — туда, где бежевый кашемир перетянут тонким ремешком. Пальцы ложатся привычно, собственнически. Он притягивает её к себе, что-то шепчет на ухо. Она смеётся, запрокидывая голову, и я вижу её шею — гладкую, молодую, без единой морщинки.

Моей шее тридцать семь. Я знаю каждую складочку у ключиц, каждую тонкую линию, которая появляется, когда я поворачиваю голову. Я ненавижу своё отражение по утрам.

Она не ненавидит. Ей не за что ненавидеть.

— Маша, — голос Кирилла врывается в этот кошмар. — Вы слышите меня?

Не слышу. Я слышу только, как кровь шумит в ушах — глухо, ровно, как прибором перед штормом.

Роман поднимает голову.

Его взгляд скользит по парковке — равнодушно, рассеянно. Секунда. Две. Он смотрит прямо на «Мерседес».

Прямо на меня.

Я не думаю. Я вообще не соображаю. Моё тело действует быстрее мозга — хватаю Кирилла за отворот пальто, дёргаю на себя и впиваюсь в его губы.

Это не поцелуй, а паника, крик разбитой души, у которого нет звука. Желание провалиться сквозь землю, исчезнуть, стать невидимой — и, если для этого нужно слиться с чужим мужчиной в единое целое, я сольюсь.

Кирилл замирает.

Я чувствую, как его губы — тёплые, сухие, чуть обветренные — застывают под моими. Одна секунда. Две.

А потом он отвечает.

Его рука ложится мне на затылок — не требовательно, не нагло. Осторожно. Будто я стеклянная. Будто он боится, что я разобьюсь.

Большим пальцем он гладит мою скулу. Чуть заметно, едва касаясь.

Это длится три секунды. Может, пять. Я перестаю дышать.
И отрываюсь первой.

— Простите, — выдыхаю. — Боже, простите! Я не хотела. То есть хотела, но не... Он смотрел. Муж. Мой муж. Я не знала, что делать. Простите.

Я тараторю, слова налетают друг на друга, разбиваются, падают. Я чувствую, как горят щёки. Как дрожат губы.

Кирилл смотрит на меня.

В его глазах — шторм. Но он держит его под контролем, как держат собаку на коротком поводке.

— Не извиняйтесь, — говорит чуть хриплым голосом. — Я активно подыгрывал.

Я сглатываю.

— Это... профессиональное?

— Личное. Профессиональное — допросы с пристрастием. Это другое.

Он вымученно улыбается.

Отворачиваюсь к окну. Роман уже открывает перед девушкой дверь «Лексуса». Усаживает её. Захлопывает.

Он не открывает передо мной дверь машины. Говорил: «Ты не барышня из позапрошлого века».

— Хотите зайти? — спрашивает Кирилл, прорываясь голосом через слой моих мыслей.

— Куда? — Хмурюсь, не соображая, что он имеет в виду.

— В ресторан. Посмотреть, что там внутри. У меня отличная зрительная память. Найду их столик, поговорю с официантами.

Я смотрю на него.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— Зачем вам это?

Он пожимает плечами. Жест — будничным, лёгким.

— Скучно. Маньяки в этом году подводят — ни одного приличного за последний месяц. Тренирую детективные навыки на гражданских.

— Я не гражданская. Я лаборантка.

— Лаборантки — тоже граждане.

Я смотрю на стеклянные двери. Там, внутри, ещё остался воздух, которым дышала та девочка. Ещё не выветрились духи, которыми она душилась. Ещё стоит на столике ваза из-под тюльпанов. Тошнит при одной мысли, что всё это обрушится на меня.

— Нет, — трясую головой. — Не могу.

Кирилл кивает. Не спорит. Не уговаривает.

— Тогда ловлю вас на слове.

— На каком?

Он улыбается.

— Как-нибудь в другой раз. Вы обещали зайти со мной в ресторан. Я запомнил.

Заводит двигатель.

Я молчу всю дорогу до дома.

Москва за окном медленно темнеет. Серое небо становится графитовым, в лужах зажигаются отражения фонарей, люди спешат по тротуарам — с цветами, с коробками конфет, с маленькими бархатными коробочками в карманах пальто. Сегодня день, когда любят громко. Когда дарят подарки и признаются в чувствах. Когда женщины ждут, а мужчины обещают.

Я ждала много лет.

Я устала ждать.

— Остановите здесь, — мы у моего дома.

Кирилл паркуется у подъезда, но не глушит двигатель.

— Спасибо, — я открываю дверь, делаю шаг наружу. — За всё.

— Не за что.

Нога уже на асфальте.

— Подождите, — говорит он.

Я оборачиваюсь.

Он смотрит на меня. Секунду. Две.

— У вас есть с собой телефон? Я имею в виду — мобильный.

— Есть.

— Запишите мой. На всякий случай.

Я лезу в карман пальто. Достая смартфон. Он диктует номер — медленно, чётко. Я сохраняю. «К. Э. Поляков».

— На всякий случай, — повторяет он.

— Хорошо.

Выхожу из машины. Закрываю дверь. Делаю шаг к подъезду.

— Маша!

Я оборачиваюсь. Он опускает стекло, смотрит на меня.

— Подождите ещё минуту. Пожалуйста.

Я жду.

Он выходит из автомобиля. Оставляет двигатель работать, дверь открытой. Быстро идёт к цветочному ларьку на углу. Говорит что-то продавщице. Та кивает, достаёт из холодильника тюльпаны.

Много.

Штук сорок, если не больше.

Алые. Точно такие, как у любовницы Романа.

Кирилл расплачивается, берёт букет, возвращается ко мне. Протягивает.

— Это вам.

Я смотрю на цветы. Смотрю на него.

— Зачем?

— Самой красивой жертве измен на моей памяти, — с ноткой пафоса говорит он. — С Днём всех влюблённых!

Я стою. Тюльпаны тяжёлые, стебли перетянуты белой лентой, бутоны ещё чуть прикрыты — распустятся завтра-послезавтра. Они пахнут весной и чем-то ещё, отчего щиплет в носу.

— Я не жертва, — только этого определения мне не хватало.

— Нет, — соглашается он. — Вы — свидетель. А свидетелей нужно беречь.

Я беру букет. Потому. что очень хочу урвать хоть кусок женского счастья. Того, что его любовница забрала с собой.

— Спасибо...

— Не за что!

Он садится в машину. «Мерседес» мягко отъезжает от бордюра, вливается в поток, исчезает за поворотом.

Я стою у подъезда с охапкой алых тюльпанов в руках.

Лифт едет медленно. Я смотрю на свои сапоги — они всё ещё мокрые, на коже тёмные разводы от воды и соли. Смотрю на цветы. На пальцы, сжимающие бежевую обёрточную бумагу.

Дверь квартиры открываю ключом. В прихожей темно — Роман ещё не вернулся, Алёна, наверное, в своей комнате с наушниками.

— Мам? — голос доносятся из кухни. — Ты чего так поздно?

Я захожу на кухню.

Алёна сидит за столом с чашкой чая. Смотрит на меня. На моё пальто. На мои мокрые волосы.

На тюльпаны.

— Вау!.. — кривит в удивлении губы. — Откуда?

Ставлю букет в вазу, подаренную свекровью на новоселье. Роман говорит, она безвкусная, но я её люблю. Вру:

— Купила.

— Себе?

Киваю.

— Себе.

Алёна смотрит на меня долго. Очень долго.

— Красивые, — говорит, наконец.

Соглашаюсь:

— Да.

Иду в спальню. Закрываю дверь. Сажусь на край кровати и смотрю на смартфон.

Новый контакт. «К. Э. Поляков».

Нажимаю «сообщение». Пишу впервые за долгое время мужчине. Не мужу.

«Спасибо за цветы. Маша».

Отправляю.

Минута. Две.

Телефон вибрирует.

«Пожалуйста. Берегите себя. К.»

Читаю это сообщение пять раз. Убираю смартфон в тумбочку, ложусь на спину и смотрю в потолок.

Тюльпаны стоят в хрустальной вазе на кухонном столе. Я слышу, как Алёна гремит чашкой, как шуршит обёрточной бумагой, как цокает языком — рассматривает.

— Мам!.. — кричит она. — А почему алые? Ты же жёлтые любишь.

Я закрываю глаза.

— Потому что сегодня, — отвечаю, сдерживая слёзы, — я люблю алые.

Я лежу в темноте и жду, когда хлопнет входная дверь.

Роман возвращается в половине двенадцатого. Слышу его шаги в коридоре, звон ключей о тумбу. Он проходит в ванную комнату, не взглянув на меня. Шум воды. Укладывается с кряхтением

Засыпает на своей половине кровати, даже не спросив, как прошёл мой день.

Я смотрю в потолок до трёх ночи.

Тюльпаны на кухне ждут утра. Им всё равно, кто их подарил, кто их поставил в воду, кто будет смотреть на них завтра.

Им просто хочется жить.

Я их понимаю.

Глава 4

Я даже не помню, когда впервые поверила, что это мой дом.

Но точно, не в тот день, когда въехали. И не в тот, когда Роман вручил мне ключи — торжественно, как орден. С улыбкой человека, только что купившего себе новую игрушку. И не в тот, когда расставляла по полкам книги, вешала шторы, вкручивала лампочки в прикроватные бра.

Я поверила постепенно. День за днём, год за годом, вращая в эти стены, как плющ вращает в кирпичную кладку — незаметно, но намертво.

Я думала, что останусь здесь навсегда.

Теперь сижу на краю кровати и гляжу в никуда. Есть не хочу. Готовить тем более. Роман ушёл в гостевую, объяснив, что мешаю ему уснуть. Я не спала. Смотрела, как за окном сереет небо, как гаснут фонари, как Москва просыпается в своём обычном равнодушии.

В десять утраоткрывается дверь.

Роман входит с безразличным взглядом, без «Доброго утра, родная. Как спалось?». Он всегда так входит — будто это его территория, а я здесь просто мебель.

— Ты почему не на работе? — спрашивает, не глядя на меня.

— Сегодня выходная.

— А.

Он идёт в ванную. Шум воды. Звук упавшей косметики. Слышу, как он напевает что-то себе под нос — у него хорошее настроение. Вчера было хорошее настроение. Сегодня тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.